

Лу Яньси, услышав эти слова, удивлённо взглянул на Янь Цзыюя. Неужели он не знает? В прошлой жизни именно Янь Цзыюй был удостоен звания Первого учёного на Весенних экзаменах в следующем году. Почему же сейчас он говорит такие слова? Неужели в ближайшие полгода произойдут какие-то перемены?

— Всё же стоит пойти, — Юнь Цзиньюй бросил взгляд на шахматную доску, затем на Лу Яньси и, наконец, посмотрел на Янь Цзыюя. — Некоторые пустые титулы всё же нужно поддерживать, даже если, как и Чжиюань, ты не собираешься поступать на службу.

«Как и Чжиюань» означало, что он сдаст экзамены, но не станет чиновником.

Юнь Цзиньюй понимал мысли Янь Цзыюя, и сейчас, кроме как уговорить его, он ничего не мог сделать.

Янь Цзыюй, услышав слова Юнь Цзиньюя, внутренне вздрогнул. Он думал, что его мысли достаточно скрыты, но оказалось, что Юнь Цзиньюй их разгадал. Опустив голову, он задумался:

— Тогда Цзыюй ещё подумает.

— В конце концов, это не противоречит заветам предков, не нужно так волноваться, — Юнь Цзиньюй знал, что Янь Цзыюй не любит нынешнего Императора и не симпатизирует князю Цзину. По сравнению с князем Цзином, Янь Цзыюй больше любил Наследного принца. Теперь, когда Наследный принц погиб, Янь Цзыюй, вероятно, потерял интерес к двору. Ведь служить тем, кто тебе не нравится, — не самое приятное занятие.

Хотя такие мысли Янь Цзыюя не одобрялись кланом Янь, пока он только думал об этом и не предпринимал действий, это не считалось нарушением заветов предков.

Репутация клана Янь была важна. Им нужен был Первый учёный, чтобы поддерживать свою славу, как и клан Юнь. Даже если они не могли поступать на службу, младшее поколение клана Юнь обязано было сдавать экзамены, потому что репутация «величайшего учёного Поднебесной» не должна была быть утрачена. Только если в клане Юнь будут рождаться таланты, мир будет помнить их статус.

— Да, — Янь Цзыюй кивнул, подавив свои мысли. Сун Чжицянь, почувствовав подавленность Янь Цзыюя, незаметно сжал его руку, спрятанную в рукаве, утешая его. Этот приём он перенял у Лу Яньси.

— Клану Юнь тоже нужно поддерживать пустые титулы? — Сун Чжицянь не понимал этого. Разве репутация клана Юнь уже не достаточно прочна? Благодаря Юнь Цзиньюю, Сун Чжицянь теперь чувствовал себя более расслабленно и мог позволить себе задавать вопросы.

— Конечно, ведь люди склонны забывать, — Юнь Цзиньюй взглянул на Сун Чжицяня, говоря это с лёгкой грустью. — Эти слова сказал мой внук.

Лу Яньси, услышав это, сжал руку под столом. Сейчас он чувствовал себя ужасно, словно солгал всем, но теперь ему приходится самому разоблачать себя. Это было невыносимо.

— Забывают? — Сун Чжицянь задумался. Если люди забывают, почему до сих пор его называют «Изящным господином»?

Юнь Цзиньюй кивнул. Он слышал о делах Сун Чжицяня и, услышав его мнение, не против был

помочь этому юноше.

— Люди запоминают только одно дело, которое человек совершил. Если хороший человек совершит плохой поступок, это может перечеркнуть все его прошлые добрые дела, и наоборот.

Запомнить только одно дело... Сун Чжицянь, услышав это, почувствовал просветление. Если так, то, возможно, он сможет избавиться от титула «Изящного господина»?

Лу Яньси, наблюдая за выражением лица Сун Чжицяня, также положил фигуру на доску и улыбнулся:

— В мире все стремятся к выгоде, все суетятся ради выгоды. По сравнению с делами, которые не касаются тебя, естественно, то, что связано с тобой, запоминается лучше.

Эти слова не только запали в сердце Сун Чжицяня, но и заставили Янь Цзыюя вздрогнуть. Не только Сун Чжицянь хотел избавиться от титула «Изящного господина», но и Янь Цзыюй хотел снять с него этот ярлык.

Янь Цзыюй был человеком прямолинейным и не считал происхождение Сун Чжицяня чем-то постыдным. Но каждый раз, когда кто-то использовал это против Чжицяня, он не мог возразить и приходил в уныние. Янь Цзыюй не мог смотреть на такого Чжицяня и, если мог помочь ему... С этой мыслью он принял решение.

— Я заметил, что слова господина Ци весьма мудры, — Юнь Цзиньюй, услышав слова Лу Яньси, с лёгкой улыбкой взглянул на него и положил ещё одну фигуру на доску. В его голосе был оттенок, который никто из присутствующих не мог понять.

И правда, сегодня Лу Яньси произнёс две очень мудрые фразы. Услышав слова Юнь Цзиньюя, Лу Яньси почувствовал неловкость. Ведь он использовал всю пятитысячелетнюю культуру Китая, как это могло быть не мудрым?

— Это всё из книг, которые я читал, — использовать чужие слова и выдавать их за свои Лу Яньси не мог, поэтому он начал выдумывать.

— Правда? — Юнь Цзиньюй, услышав это, улыбнулся ещё шире. — А какие книги читал господин Ци?

Лу Яньси впервые столкнулся с таким вопросом и, подумав, в итоге выдал:

— «Тысяча и одна ночь».

Книга, которую он сам выдумал, разве это не «Тысяча и одна ночь»?

Юнь Цзиньюй, услышав ответ Лу Яньси, с лёгким пониманием в глазах положил фигуру на доску и посмотрел на него:

— Сколько лет прошло? Ни капли прогресса!

Лу Яньси, услышав это, машинально положил фигуру на доску и посмотрел на шахматную доску перед собой. Затем он обнаружил ужасающий факт: текущая партия была точь-в-точь как та, что была описана в уникальной книге, которую ему когда-то подарил дед.

Увидев это, Лу Яньси на мгновение растерялся. Подняв взгляд на Юнь Цзиньюя, он увидел, что в глазах деда было полное понимание. Без сомнения, его раскрыли!

Где же он допустил ошибку? Лу Яньси быстро успокоился. Дед, должно быть, знал его личность ещё до того, как предложил сыграть в шахматы. Значит, это произошло раньше, ещё в академии. Тогда он рассказал только своему двоюродному брату о девушке, но дед этого не знал!

Янь Цзыюй и Сун Чжицянь были в недоумении, а Юнь Ижань, услышав слова деда и взглянув на шахматную доску, понял ситуацию. Он тут же послал Лу Яньси ухмылку: теперь тебе не нужно объяснять, дед всё понял!

Ещё во время разговора деда с Лу Яньси Юнь Ижань заметил что-то неладное, особенно когда Лу Яньси упомянул «Тысячу и одну ночь». Это он слышал от деда раньше, но Юнь Ижань не собирался предупреждать Лу Яньси. Сам напросился, сам и расплачивайся!

Пока Янь Цзыюй был в недоумении, Лу Яньси дрожал, а Юнь Ижань злорадствовал, Юнь Цзиньюй снова заговорил:

— Я немного устал, вы, молодые, развлекайтесь, — Юнь Цзиньюй помахал рукой Юнь Сяньхэ, чтобы тот помог ему уйти. Но перед тем как уйти, он взглянул на Лу Яньси, и этот взгляд заставил его сердце снова сжаться.

После того как Юнь Цзиньюй ушёл, Ань Цзинсин сразу заметил, что с Лу Яньси что-то не так. По крайней мере, он явно стал более беспокойным.

Ань Цзинсин, наблюдая за беспокойным Лу Яньси и вспоминая всё, что произошло, похоже, понял что-то. Он тихо подошёл к Лу Яньси и шепнул с лёгким пониманием:

— Дед всё понял?

— Да, — Лу Яньси слегка кивнул. Сейчас он был явно не в своей тарелке. Только вспоминая взгляд деда, когда тот уходил, он думал о широко известной фразе: «Смотри в глаза и сам поймёшь!»

Поэтому сейчас Лу Яньси никак не мог успокоиться.

— Ци Чи? — Сун Чжицянь тоже заметил странность Лу Яньси. Видя его рассеянность, он назвал его дважды.

— А? Что? — Лу Яньси был поглощён мыслями о деде и, услышав зов Сун Чжицяня, не сразу пришёл в себя. Его взгляд на Сун Чжицяня был рассеянным.

<http://bllate.org/book/16474/1497418>